

Иван Кочнев

ОБЩАГА

**СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ**

18+

Иван Кочнев

Общага

«Автор»

2016

Кочнев И.

Общага / И. Кочнев — «Автор», 2016

Жизнь похожа на клубок, в котором все нити перепутались накрепко и нет шанса их распутать, не разорвав. Такова она и в типичном рабочем общежитии, брошенном со всеми обитателями на произвол судьбы умирающим в результате приватизации предприятием. Общество в постперестроечный период балансирует на грани вседозволенности и распутства, но жители Общаги давно перешли и эту грань. Герои повести, чей быт насквозь пропитан маслянисто-тягучей эротикой, лишенные каких бы то ни было нравственных ориентиров, легко вступают в беспорядочные сексуальные связи. Достичь эмоциональной близости теперь уже невозможно. Содержит нецензурную брань. В книге встречается упоминание нетрадиционных сексуальных установок, но это не является пропагандой.

© Кочнев И., 2016

© Автор, 2016

Иван Кочнев

Общага

ОБЩАГА

ГЛАВА 1

Серёга Молчанов открыл глаза. Где-то за стеной звучала заезженная мелодия хитов девяностых, за другой стеной гремели кастрюли, с нижнего этажа доносился детский плач, а с верхнего скрип передвигаемой мебели.

«Та-ак! Где я сегодня? – задался он спросонья вопросом, – потолок-то незнакомый...»

И действительно, пятно на потолке, скорее всего, от брызг шампанского, выглядело совершенно незнакомым. По крайней мере ни у него дома, ни по другим адресам, где он бывало, просыпался после пьянки, такого шедевра потолочного искусства не припомнит. Если бы он мог повернуть голову и осмотреться вокруг, что-то, возможно, могло и проясниться. Но даже слабые попытки пошевелиться вызывали дурноту и другие смутные, явно дискомфортные ощущения, среди которых всё сильнее начало выделяться одно – боль.

«Конечно же, мне больно! – дошло, наконец, до него, – ох, как же мне больно-то, это просто какой-то п..ц!»

От невыносимой мигрени голова раскалывалась на части. От долгого лежания в неудобной позе каждая, даже самая незначительная мышца на теле, стоило только слегка пошевелиться, отзывалась острой болью. Мышцы болели даже от мысли о том, чтобы сменить позу. И поверх мигрени и мышечной боли накладывалось ощущение невыносимой жажды.

«Надо прекращать пить! – вновь, как и каждый раз до этого, посетила его эта «гениальная» мысль. – И как же хочется пить!»

От неожиданно родившегося каламбура захотелось расхохотаться, но острая боль в висках тут же отбила это неуместное желание.

– Ммммм! – застонал Серёга.

– Серый, ты чё стонешь? – прозвучал знакомый женский голос из-под одеяла.

– Ммммм! – только и смог он ответить.

– Чё, голова болит? – догадалась соседка по постели. – Час пива притараню, потерпи.

Не поворачивая головы, Серёга мог только слышать, как соседка поднялась с постели, босиком прошлёпала к шифоньеру, надела туфли, накинула плащ и, скрипнув дверью, вышла из комнаты.

«Так это я в этот раз со Светкой Завьяловой замутил! – дошло до него. – Ни фиги себе!»

Светка, жена Миши Завьялова, вообще никогда и никого к своему телу близко не подпускала. Не подпускала, даже когда муж-дальнобойщик находился в дальней поездке. А в поездках по бесконечным трассам бескрайней страны он мотается постоянно. Она же, хоть и любила побухать в компании соседей по общаге, всех желающих затащить её по пьяне в постель отшивала незамедлительно. При общении Светлана была по-деревенски просторечива, но и это не отбивало желание у даже особо культурных и весьма взыскательных, извините, бабников. Серёга, ясное дело, исключением не являлся, как и все желал, облизывался и вздыхал, засматриваясь на косноязычную звезду общежития.

«Как же так?! – нахлынула на него досада, – невозможно пошевелиться, невозможно посмотреть на неё! Хоть бы одним глазком заценить, как она голая-то выглядит! Ведь не помню ничего! Вот жалость! Она сейчас вернётся, но уже будет одетой и опять неприступной».

«А как я вообще оказался у неё в постели? – продолжал он ковыряться в памяти в ожидании спасительного пива. – Помню, бухали на денюхе у Сани Еремеева. Светка тоже там была.

Танцевали, кажется. Но со Светкой не танцевал, танцевал с Катькой Климовой. Та ещё, прижавшись всей своей необъятной грудью, звала к себе. Еле отбилась. Казалось бы, что за танцы могут быть в общежитской комнатухе «три на три», и всё же места всем хватало. Выходили покурить в общую кухню. Светка тоже курила, я ещё сигаретами её угощал. Потом среди ночи поперлись в ларёк за бухлом. Почему именно со Светкой? Ах, да, там её подруга работает, и для своих у нее всегда есть не палёная водка. Когда шли обратно, остановились за углом покурить. Потом целовались, там же, за углом. Потом целовались в лифте. Бухло принесли, народ ещё гулял. Очередная рюмка водки пошла с трудом. И вот я у неё в койке. Офигеть! А было хоть что-нибудь? Не помню. Офигеть!»

Серёга протянул руку под одеяло – трусов не оказалось. Провел пальцем по мошонке и поднёс к носу – пальцы источали терпкий аромат женщины. Значит, было, а он ничего не помнит! Обидно, блин!

Щёлкнул замок, скрипнула дверь, стрельнула пивная пробка. Благодатно растекаясь по внутренностям, живительная влага принесла долгожданное спасение от жажды, даже мигрень как рукой сняло. Серёга, наконец, смог подняться с постели и усесться на край кровати.

Перед ним на высоких каблуках, в надетом на обнажённое тело и в полностью расстёгнутом плаще стояла потрясающая длинноногая красотка Светка Завьялова. Та самая Светка – мечта общежитских бабников и примерных семьянинов. Неприступная сама и защищённая неприступной стеной широких плеч и крепких кулаков своего мужа Михи Завьялова.

– Ну, чё! Ожил!? – спросила она и, спустив плащ до уровня локтей, озорно оголила плечи.

– А...?! – «А как я здесь оказался?» – хотел было спросить ошарашенный увиденным Серёга, но красотка сделала шаг вперёд и уперлась своим сексуальным животиком прямо ему в нос.

Перед глазами сфокусировался соблазнительный по своей сути пупок, а подбородок ощутил горячую влагу женского влагилица. Руки сами ухватились за тугие бедра, и язык потянулся к раздвинувшейся навстречу ему промежности...

– Све-ет, теперь могу спросить? – решил он уже после того, как они, наконец, отдышались от шального марафона любви.

– Чё?

– Так как я здесь оказался-то? А Миха?

– Чё «Миха»?! Пока я здесь его жду, Мишенька мой, оказывается, в рейсе с бабами трахается. Решила тут давеча прибраться у него в машине, а там, на потолке над лежанкой, следы от каблуков, от бабских каблуков. И презик нашла под матрасом, использованный.

– Ого! – лишь смог промолвить Серёга и мысленно съёжился за мужицкий конфуз.

Мужики так-то знали, что в рейсе всякое бывает, и редкий дальнбойщик не имел секса с девочками с трассы. С одной стороны, конечно, это чисто мужская похоть. А с другой? С другой стороны в рейсе секс для здоровья мужского необходим. Без секс-терапии простатит легко заработать можно. И зарабатывают водители и простатит, и геморрой, от сидячей-то работы.

– Так что, Серый, пока Мишенька мой в рейсе, свободная я. Баш на баш, как говорится!

– А что Миха?! – не унимался Серёга, понимая, что он попал, и перед Михой Завьяловым придётся держать ответ. А может, и не придётся... Мало ли, что в общаге происходит, мало ли кто с кем переспал! По обоюдному-то согласию!

– Вот заладил, чё, да чё! Да ни чё! Сначала Мишенька мой отпирался, как мог. Заладил, дескать, я не я, и резинка не моя. Но когда прижала посильней, сознался. Мол, для здоровья необходимо, мол, простата беспокоит. А меня, спрашиваю, матка не беспокоит? Так что как хошь, а мне для здоровья секес тоже необходим. Короче, не захотел он меня терять, вот и согласился на мои условия. Как миленький согласился.

– Офигеть!

– Только ты Серый никому это не рассказывай, и про ночь эту тоже ни-ни.

– Так я вроде не из болтливых.

– Да знаю я, от того и решила именно с тобой попробовать. Знаю, даже по пьянке перед мужиками фиг расколешься, с кем ночевал. Хотя у нас в общаге фиг что утаишь. Всё равно узнают, а не узнают, так напридумывают. А ещё узнать хотелось, на самом деле ты любовник такой баский, или врут всё бабы.

– Ну, попробовала! И?!

– Чё, и?! Елда, конечно, у тебя приличная, и приласкал сладко, не то, что мой Мишенька. Тот сунул-вынул и обратно в рейс. Хожу потом заведённая и злая. Думала, так и должно быть. Эх, Серый, ежели б знала я раньше, что в секесе так сладко бывает, небось, давно бы любовника завела. Придёшь ещё ко мне, когда позову?

– Так я только «за»!

ГЛАВА 2

Шестнадцатизэтажное общежитие камвольного комбината, «камволка», как его называли в городе, переживало непростой период своего существования. Мало того, что ставшие вдруг собственниками первые руководители предприятия устроили делёжку и без того дышащего на ладан от отсутствия заказов производства, так они ещё и начали избавляться от, так называемого, непрофильного социального бизнеса. Всякие там детские сады, санатории и общежития либо шли на продажу, либо переходили в ведение местных муниципалитетов, нагружая и без того нищенский городской бюджет. Потеряв социальную привлекательность, камволка вступила в сложную фазу текучести кадров. На комбинате остались в основном старые, проработавшие всю жизнь и доживающие до пенсии кадры. Молодёжь же пошла искать работу получше, где не надо так упыхиваться и где платят побольше. А кто-то вообще работать перестал, окунувшись в беспробудное пьянство и прочие тяжкие. И вот в общежитии, уже не принадлежащем камвольному комбинату, но пока ещё не перешедшему в ведение города, воцарилась социальная и жилищная анархия. Вход теперь стал свободным, по общаге зашатались кто попало, и потерявшие своё жильё БОМЖи, и всяких мастей жулики, и охочие до чужого тела ловеласы-бабники. Чтобы как-то обеспечить безопасность и более-менее комфортное существование, обитатели общежития принялись перекрывать металлическими дверями отдельные жилищные блоки и на своё усмотрение перестраивать помещения, объединяя комнаты в отдельные квартиры, пристраивая к жилью дополнительные площади. У жильцов появились свои кухоньки, душевые, кладовочки.

Серёга Молчанов, любитель побухать и потрахаться на стороне, имел в общаге сразу две семьи. Его жёны жили в разных блоках, на разных этажах, и, по иронии судьбы, были между собой приятельницами, можно даже сказать, подругами. И хотя с одной из них он уже был разведён, а на другой, совсем молоденькой матери-одиночке, полгода как женат, всё равно считал обеих своими, потому как по его понятиям, бывших жён не бывает. Когда он своим бесконечным пьянством и блядством надоедал одной, та, наконец, выпроваживала его за дверь, и он перемещался к наскучавшейся за это время другой, а потом по той же схеме возвращался к первой. Жёны легко смирились с такой судьбой, видимо, раньше «слаще морковки ничего не едали», и на большее не претендовали, не представляя себе, как можно жить, по-другому. А что ещё надо, ведь, несмотря на свою разнузданность, Серёга их вместе с детьми и кормил, и одевал, и в школу собирал. Если, конечно, деньги пропить не успевал. Да и вообще, обе бабы оставались вроде при мужике.

– Пришёл, наконец, – ворчала Ирина, первая жена Серёги и мать его пацанов-погодок, когда он утром вернулся от Светки Завьяловой, – школьные базары открылись, пора учебники покупать, и у Алёшки обуви нет на осень.

– Так собирай пацанов, ходим, приоденем. Кстати, Ленка, кажется, заикалась, что Маришка её из осеннего пальтишки тоже выросла уже. (Маришка, дочь второй Серёгиной жены Лены, его падчерица) Сходи к ней, пусть собираются.

– Она сама только что приходила. Ждёт, когда мы соберёмся, вместе и пойдём.

Ребятишки, играя в догонялки, бегали гурьбой и мешались под ногами прохожих. Следом, дымя на ходу сигаретой, шёл их отчим и отец Серёга Молчанов. Сзади всех, держа друг дружку под руку и непрерывно болтая, шли его жёны Ирина и Лена.

Ребятишкам нравились походы с родителями в торговый центр. Там и развлекательные зоны с игровыми автоматами, и комнаты для детей с разноцветными игрушками, и цветомузыкальный фонтан посередине зала, и в киношку можно сходить. И ещё ребятишкам нравился перекус в кафешке с пиццей, картофелем фри, мороженым и сладкой газировкой.

Совершив все необходимые покупки, семейство расположилось в кафешке за сдвинутыми вместе, двумя столиками. Погодки Алёшка и Гошка уплетали пиццу, Маришка через трубочку потягивала детский коктейль, родители хрустели чипсами, запивая их пивом из пластиковых стаканов. Все были довольны сегодняшним днём и жизнью вообще.

– Смотрите, вон Анна, – воскликнула Лена, увидев на выходе из торгового центра свою напарницу по цеху и закадычную подругу. – Аня, Аня Чуйкина, иди к нам!

Анна, нагруженная покупками, словно и не услышала приглашение подруг, и торопливо вышла из торгового центра через автоматическую раздвижную стеклянную дверь. А может и на самом деле не услышала.

ГЛАВА 3

Анна краем глаза, конечно, заметила дружное семейство своих подруг, но после тяжёлой смены в ткацком цехе и утомительных походов по книжным лавкам в поисках школьных учебников ей было не до пустой болтовни «обо всём и ни о чём». Да и присутствие Серёги Молчанова не добавляло большого желания пообщаться с подружками. Ира и Лена как будто и не помнили, что их общий мужик Серёга Молчанов – первая Анина любовь, бывший её парень и даже можно сказать, бывший жених. В своё время, помыкавшись с Молчаном чуть более года, она бросила его за бесконечное пьянство, враньё и блядство. Но какие-то чувства к весёлому и ласковому, но до крайности непутёвому парню остались у Анны до сих пор. Может это были осколки чувства первой любви, а может быть чувство досады от любви несостоявшейся.

Сейчас Анна торопилась на другой конец города, где в маленькой двушке, в деревянной многоквартирной двухэтажке, уже много лет предназначенной под расселение и снос, ждали её две лапочки-дочки и их папа, Федя Чуйкин.

История знакомства Анны и Фёдора была до крайности романтичной. Федя Чуйкин, вернувшись домой после службы в ВДВ, в первый же вечер забрёл на дискотеку, где познакомился с тронувшей его сердце девушкой Аней. В тот день она в очередной раз поссорилась со своим непутёвым женихом, и подруги уговорили её отвлечься от переживаний походом на танцы. Бравый сержант в тельняшке и с десантной атрибутикой на синем берете вызвался проводить девчат до общежития, где по закону жанра и столкнулся с компанией подвыпивших общежитских парней. Парни, среди которых конечно же оказался и Серёга Молчанов, начали было предъявлять претензии отчаянному провожатому, мол, нечего с нашими бабами гулять, но тут же были аккуратно разложены в ряд на пыльном тротуаре. Так томным летним вечером была предreshена дальнейшая судьба Анны, молодой ткачихи с камвольного комбината.

– Мама, мама пришла! – выбежали девочки навстречу матери.

– Мама, а к папе дядя Глеб пришёл – тут же доложила обстановку младшая Галя.

– Мама, а ты учебники купила? – задала вопрос старшая Маша.

– Купила, купила, Машенька. Достань из сумки. А эти опять, поди, пьянствуют, – Анна, конечно же, была не довольна.

А с чего быть довольной-то? Ладно бы муж пил по-тихому. Слава богу, Федя зарабатывает и семью не гоняет. Так ведь редкая его пьянка без приключений обходится. Обычно, в какой-то момент, после очередного стакана у него в мозгу вдруг переключивается, и Федю сразу тянет на улицу, на поиск приключений, лучшее из которых – ввязаться в драку. До сих пор ему везло, и даже будучи сильно пьяным, он всегда выходил победителем. Разнимать мужа с соперниками Анна не пытается – как бы самой под раздачу не попасть. Рука у супруга тяжёлая, как-никак, до армии Федя самбо занимался, да и в десантных войсках два года отслужил. А сегодня ещё этот Глеб, друган его школьный, припёрся. Тоже здоровяк, в дверной проём с трудом проходит. Вдвоём они вообще террор на районе устроить могут.

– Братан, вот и Анюта моя пришла! – обрадовался Федя, когда супруга зашла на кухню. – Выпей с нами.

– Привет, Аня! – поприветствовал гость супругу хозяина.

– Привет, друзья закадычные! Пьёте опять?!

– Да что тут пить-то?! – показал Федя на ополовиненную бутылку водки объёмом ноль семь литра.

– Ну-ну!

Анна, конечно, была недовольна, что мужики пьют опять, и в то же время сама была не против снять усталость, пропустив рюмочку с устатку. Да и глядишь, мужикам водки меньше достанется и ужин с выпивкой не перерастёт в пьянку с последствиями.

– Ну что ж, наливайте. Что-то притомилась я сегодня.

За пьяными разговорами, да ещё на троих, остатки от ноль-семь литра закончились быстро.

– Пойдём, братан, проветримся до ларька за сигаретами, за одним ещё бутылочку возьмём, – решил восполнить нехватку спиртного Федя.

– Я вам проветрюсь! – тут же всплила Анна, воспользовавшись моментом, пока муж ещё находился в здравом рассудке. – Я вам возьму бутылочку! На сегодня хватит уже. Завтра на работу, Федя. Да и тебя, Глебушка, жена дома заждалась.

– Действительно, друг, пора уже! Пойду я! – засобирался Глеб.

– Ну вот, всегда ты, Аня, так! Только вечер начинается, и ты сразу всё портишь, – сетовал Фёдор на жену, когда ушёл друг детства.

– Нечего! Хватит на сегодня! Иди вон с девочками займись, Машу в школу собирать надо.

– Ну, ладно!

Что ж, сегодняшнюю пьянку Анна остановила вовремя.

Она не знала, правильно ли поступает, выпивая вместе с мужем. Но хоть и через раз, Анне всё же, как и сегодня, удавалось предупредить его неадекватные пьяные выходки.

ГЛАВА 4

В жилищном блоке на третьем этаже общаги гудела очередная пьянка. Отмечали уход на пенсию тёти Гали, в своё время бригадирши и наставницы девчат из второй смены ткацкого цеха. Естественно, кроме соседей и товарок с камволки, на застолье были приглашены и её девчата-напарницы, приглашены вместе с мужьями. Несмотря на нищенскую пенсию, тётя Галя была рада наступившему, наконец, отдыху от каторжного труда ткачихи. Радовались за виновницу торжества и сидящие за столом сослуживицы, и соседи по общежитию. А как не радоваться?

Ведь на этой камволке женщины упахиваются, как ломовые лошади, и есть у них одна мечта – побыстрее доработать до пенсии, а там как жизнь покажет. В былые времена, при социализме, при большой рабочей зарплате и пенсия была более-менее достойной, что как-то скрашивало замкнутый в общаге для большинства работников образ жизни – в общаге родиться, в общаге жениться, выйти на пенсию и здесь же отправиться в мир иной. Но в последние годы жизнь стала показывать большую дулю – ставшая вдруг копеечной пенсия вела к медленному угасанию в девяти квадратах общежитской комнаты.

Среди гостей тёти Гали была и её бывшая напарница Людмила. С комбината та уволилась давненько, но связь с бывшими товарками по цеху не прервала и с удовольствием принимала участие во всех общежитских праздниках. На этот раз она впервые привела с собой в общагу своего мужа, Андрея.

По меркам камволки, Людмила жила до неприличия шикарно. В своё время ей довелось выучиться и поработать ткачихой в другом городе. Там она, так же как и её нынешние подруги, проживала в общежитии, где и впитала бытовой дух общаги. Удачно выйдя за муж, Людмила родила одного за другим двоих детей, и на какое-то время забыла о рабочей специальности. И вот супруги переехали на новое место жительства по приглашению одного из развивающихся предприятий города. Андрею, как ценному специалисту, положили достойную зарплату и выделили просторную трёхкомнатную квартиру. Людмила же, узнав, что в этом городе есть камвольный комбинат, вспомнила молодость и тут же устроилась работать в ткацкий цех. И снова, как в юности, она ежесменно, выполняя производственный план, впахивала у бесконечных рядов громыхающих ткацких станков. Будучи уже не молодой беззаботной девочкой, а замужней женщиной и матерью, обременённой, кроме адской работы, домашним бытом и необходимостью растить и воспитывать детей, Людмила стала чертовски уставать. Естественно, Андрея это не устраивало. Не для того он женился, чтобы вместо жены и заботливой матери заставить дома загнанную за смену «лошадь».

Короче, Людмилу с комбината он «уволит», что хоть и сказалось на семейном бюджете, но всё же несколько повысило качество их семейной жизни. Хотя, надо признаться, улучшения оказались гораздо скромнее, чем он ожидал. Людмила по-прежнему уделяла мало внимания мужу и детям, а домашнее хозяйство вела из рук вон плохо. Чувствовался отпечаток прошлого общежитского быта, который она из себя выдавить так и не смогла, видимо, не сильно-то и хотела. Так что до идиллии в их семейной жизни было очень далеко, отношения не складывались, хотя и выглядело внешне всё просто замечательно.

– Эх-х! Везёт же Людке! – рассуждали товарки, – нам бы такого мужика! И квартиру ему дали, и машину недавно купил, и жену достойно одевает, и с детьми всё время занимается. Чем же Людка вечно не довольна? С жиру, наверное, бесится!

– Слишком балуешь ты свою Людку, – как-то по-дружески сказала Анна Чуйкина Андрею, когда Людмила вдруг совершенно на пустом месте устроила ему сцену. – От того она и ерепенится всё время, плюёт на внимание твоё и заботу.

В разгар праздника Анна и Людмила вышли покурить на приспособленную под балкон площадку противопожарного лестничного марша.

– Людк, смотри! – прошептала подруге Анна, – твой-то возле Светки так и вертится.

– А, пусть вертится! – только улыбалась та в ответ.

– Как ты можешь к этому так спокойно относиться?! – не унималась Анна – Ведь загуляет мужик!

– Подумаешь, загуляет. Всё равно домой вернётся. Он у меня такой, его не остановить, но и семью не бросит.

– Удивляюсь я тебе, подруга! – покачала головой Анна и задумчиво затянулась сигаретой.

А как не удивляться? Мужик у Людмилы вон какой, видный, за ним можно жить, как за каменной стеной. Только вот стена она хоть и каменная, а всё равно ухода требует, требует любви, заботы и уважения. Но Людмила со своим упёртым эгоизмом и надуманной гордостью не очень-то баловала мужа этими привилегиями. От этого у супругов постоянно возникали скандалы на бытовой, так сказать, почве, и, видимо, по той же причине Андрея постоянно тянуло «на сторону». Людмила, то ли уверенная в ответственности мужа за семью, то ли просто по глупости, пошла по пути наименьшего сопротивления, решив не напрягаться, мол, пусть гуляет, главное – семью не бросает. Рассуждения типичные, общежитские, один в один, как у Ирины с Леной, Молчановых жён.

Между тем Андрей действительно, как говорится, положил глаз на Светку Завьялову.

«А почему нет?! – рассуждал он про себя. – Вон какая шикарная, и без мужика пришла. Пока тот в рейсах мотается, не уж-то никто её в постели не согревает? Так почему не поучаствовать?! Такую грех не погреть!»

– Привет, красотка! – поприветствовал он Светку, когда после всеобщего перекура та как бы невзначай задержалась на балконе, и они на какое-то время остались наедине.

– Привет! – улыбнулась она в ответ.

– Чем вечерами занимаешься в свободное, так сказать, от повседневного труда время?

– А чё? – улыбка не сходила с её лица.

– «Что-что!» Может, посидим как-нибудь вечером, в кафешке.

– Ты чё! Как можно? У меня же муж есть, Мишенька, – Светка явно кокетничала.

В чём, в чём, а в женской натуре Андрей разбирался. По еле уловимой интонации, по искорке во взгляде, по характерному изгибу губ в улыбке он сразу определял, готова потенциально женщина на встречу или даже не стоит тратить на неё время.

– Короче, красотка, оставь номер телефона, я позвоню, – второпях закончил разговор Андрей и тут же ушёл за стол, увидев, как в их сторону направился забеспокоившийся Серёга Молчанов.

А как Серёге не забеспокоиться?! Как так? На его территорию вдруг забрёл посторонний самец. А ведь здесь, в общаге, Серёга Молчанов – первый Казанова, и все женщины, с которыми он успел переспать, его женщины. А Светка в данный момент – это особый случай. Ведь с ней удалось переспать всего лишь разок, и чтобы укрепить позиции, надо ещё парутройку ночей подержать её в объятиях. А этот мужик Людкин уже не первый раз за вечер что-то Светке на ушко нащёптывает, явно прибалтывает её. Прибалт, блин! Ведь если он Светку увлечёт, то Серёге к ней дорога будет точно заказана, он это нутром чувствовал.

– О чём говорили? – начал он сразу же допрос.

– Чё? – удивилась Светка бесцеремонности своего случайного любовника.

– О чём говорили, спрашиваю! – у Серёги внутри всё кипело, и сдерживать себя он не мог.

– Не твоё дело.

– А как та ночь? Мы же были вместе, ты же хотела ещё раз встретиться.

– Вона чё! Хотела и перехотела. И той ночи не было, забудь.

– Как «забудь»?

Серёга психовал, от того и совершал ошибки. Не следовало ему сходу на Светку наседать. Лаской надо с женщиной, глядишь, и будет шанс удержать её при себе. Но этот ходок пришлый, Людкин мужик, вон как на Светку заглядывает. И она в ответ аж светится вся, внаглую светится, воткрытую. Серёга был в отчаянии. Он понимал, что не соперник он прибалту этому, понимал, что женщину у него уводят, уводят так, что не вернуть назад. А ведь он ещё не успел насладиться лаской Светкиной, не успел натрахать с ней до отвращения, чтобы потом

можно было без сожаления с ней расстаться, чтобы потом можно было по-тупому её бросить. А выходит, это не он ею воспользовался той ночью после денюхи у Сани Еремеева, это она его использовала и трахнула. Она его трахнула и бросила. Такого с ним ещё не бывало, от того и обида его – до самого потолка.

– Слышь, Серый, отвали! – завершила Светка перепалку и ушла с балкона.

Серёга ещё долго курил на балконе, затем зашёл в комнату, где подвыпившая компания уже затягивала застольные песняки, налил себе полный стакан водки и, опрокинув его без закуски, вышел вон из жилого блока. Все, кто догадывался о причинах его неадекватного поведения, с интересом посмотрели на Светку, но та, не подавая виду, мило общалась с виновницей торжества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.